

рый не производится в запас, так как он производится лишь в пределах потребности сегодняшнего дня, то становится понятным, как страшно велико уменьшение до одной трети старого потребления. В действительности положение однако еще хуже. Во первых самый главный источник добычи угля, Донецкий бассейн, находится в особо плачевном состоянии, именно он не дал и одной четверти довоенной добычи. И да же и эти ничтожные результаты получены благодаря исключительной расточительности со стороны народного хозяйства. Именно, производительность каждого рабочего, равнялась 33 проц. довоенной производительности. И это отнюдь не потому только, что рабочий благодаря худшему питанию стал менее работоспособен. Большое значение имеют и те обстоятельства, что то же советское хозяйство понизило уровень рабочих, подорвав класс рабочих квалифицированных. Так, в Донецком бассейне число забойщиков сократилось втрое, не считая числа горнорабочих. Такие же печальные результаты мы получим, если обратимся еще к одному чрезвычайно важному фактору производительности труда, именно к количеству израсходованному промислами на собственные нужды. В то время как в 1921 г. на собственные нужды шло около 1 проц. добычи, во довоенное время на собственные нужды уходило около 22,5 проц.

Но и этими цифрами не исчерпывается вся глубина падения угольной промышленности в России. Даже и эти незначительные результаты достигнуты благодаря исключительно хищническому хозяйству. Масса шахт закрылась. Работа по добыче идет только на самых выгодных шахтах (см. статью Брайевича и Плотникова в № 6 Русского Экономиста стр. 2350 сл.). Таким образом каждый год работы в Донецком бассейне все в большей и большей степени приближается к катастрофе, так как состояние рудников, созданных в них, в настоящее время совершенно не соответствует советским режимом.

А в результате этой жалкой добычи угля его перепроизводство! Картина совершенно аналогичная тому, что мы только что констатировали относительно жемчужно-дорожного хозяйства. Уголь, который добывался, на шахтах, превосходил существующую возможность его вывоза. И в то время как Донецкий бассейн по добыче больше нежели на три четверти отстает от довоенной добычи, его вывоз отстает на пять шестых. Оказывается, некуда складывать накапливающейся уголь, приходится тратить средства на постройки эстакад, мало того, уголь в штабелях начинает загораться. Таким образом в интересах народного хозяйства надо уменьшать и без того ничтожную добычу...

В этом перепроизводстве по всей линии ясно сказывается падение всего народного хозяйства. В периоды хозяйственного расцвета одна отрасль хозяй-

ственной деятельности обгоняет другую. Обгоняющая предъявляет спрос к отстающим, вынуждая их усиленно производить. Наоборот, в периоды умирания каждая отмирающая отрасль хозяйственной деятельности, ушедшая связанная с нею отрасль, приводит к «перепроизводству» во всех смежных областях, просто вследствие уменьшения спроса. И мы наблюдаем действительно, как в замкнутых хозяйствах России целый ряд областей производит больше того, что может потребить и переработать умирающее хозяйство.

А. Наминна.

Къ вопросу о юридических последствиях обезцененія марки.

Большое принципиальное значение имеет по общему мнению германских юристов решение германского Имперского Суда от 27 июня 1922 г. Дело, по которому состоялось это решение, касалось расхождений между хозяйным званием и арендатором при возвращении арендатором инвентаря. По § 889 Гражд. Улож. при возвращении инвентаря оценок. Если инвентарь стоит больше, чем он стоит при сдаче и т.д. и т.д. По этому поводу Имперский Суд впервые ребром поставил вопрос о том, может ли золотая довоенная марка считаться юридической разной вышедшей бумажной маркой. Не врал на принудительный курс бумажной марки, вопрос решает Имперский Судом отрицательно. При разрешении вопроса о том, обязан ли хозяин заплатить что либо арендатору, надо, по разъяснению Имп. Суда, принять во внимание не номинальную стоимость бумажной марки, а ее реальную стоимость, т. е. покупательную силу. Следует ли, однако, из этого решения, что и в других случаях, когда речь идет о денежных расчетах, вышедшая марка должна быть расцениваема не по ее номинальному курсу, а по реальному курсу, а по покупке или по курсу в переводе на золото? На этот вопрос пока приходится ответить отрицательно, ибо в качестве одного из мотивов решения приводится как раз то, что хозяин именной маркой не обязан платить по денежному обязательству, по которому кредитор по общему праву несет риск от обезцененія марки. Гораздо дальше, однако, идут некоторые современные германские юристы и, тем быстрее идет процесс обезцененія марки, тем больше взыскности, что судебная практика окончательно повернет с принятием безусловной обязательности имени принудительного курса. Так, в статье председателя Дарштадской судебной палаты, д-ра Воста (Juristische Wochenschrift от 1 декабря 1922 г.) указывалось на то, что и законодатель по буквальному выражению закона (§ 607 Гражд. Улож.) имеет право на получение от должника равноценности то-

Печать.

Полемка вокруг образования классовой крестьянской партии разгорается. На поддержку инициатору этой несчастной мысли г. Маслова против Пыხოнова и редакции «Дней» выступают «Посл. Новостн».

Къ удивлению, редакция «Дней» в том же номере поместила статью, в которой, с некоторыми оговорками, присоединилась къ Пыხოнову против Маслова.

Далѣе, слѣдуетъ возвращеніе упрековъ, посылаемыхъ социалистами демократамъ и т. д. — безъ конца.

Последній номеръ «Помощь» представляетъ весьма любопытный. Въ фельетонѣ эмигранты приглашаются вернуться въ Петербургъ. Чѣмъ же ихъ соблазняютъ сибирьковцы?

Ты знаешь — Невский потребнее ярко освещенъ вечерами, отъ Николаевского вокзала до Адмиралтейства — (ты еще не забыл, что это за название?) — 11 театровъ и кино. Магазины все открыты и въ нихъ все, что и въ Берлинѣ. Народу много-много. Трамваи зовутъ. Извозчики кричатъ. Авто рычатъ... Вы Богу, занято.

А днемъ — лишь есть часъ свободный — можете погулять, себя показать и людей посмотреть. Знакомыхъ много. Попадаютъ очень милые рожицы. Женщины улыбаются попрежнему, и смѣхъ ихъ такъ же звонокъ, какъ и тогда, когда ты былъ въ Петроградѣ въ послѣдній разъ.

На витринахъ много хорошихъ вещей. Для дамъ — все новинки Запада. Для мужчинъ — хороший табакъ, заграничные галстуки и новые книги. Книжки издаютъ у насъ хорошо. А табакъ... ты знаешь, мнѣ привозили германскіе папиросы — не понравились. Наши лучше. Для трубки можно достать Кювелье.

Кому эти соблазны доступны, об этомъ, конечно, не упоминается! Въ статьѣ, посвященной научному

творчеству за пять лѣтъ, проф. Лондт констатируетъ

Почему, при общемъ регрессѣ въ Россіи за время революціи творческая наука продолжала смирный прогрессъ? Потому, просто въ эту область отказались проникнуть люди, чуждые чисто научной теодици. Остались прежніе дтели съ прежними творческими приемами, и русская научная мысль продолжала эволюционировать — съ очень большимъ трудомъ эволюционировала.

Итакъ, чернымъ по бѣлому прилежная газета вынуждена констатировать, что заповани революціи — это обрессъ, и что прогрессъ провѣтъ въ томъ, гдѣ были прежніе дѣятельные преіемы.

И наконецъ литературное приложене обрушивается на уничтоженіе книгъ С. Юшкевича.

Торжественное уничтоженіе американскихъ книгъ С. С. Юшкевича Берлинъ продолжаетъ привлекать вышенное вниманіе, вызывая бурю протестовъ и споры.

Кто именно изъ американцевъ, сокровищный Вильсонъ, или соколоватый Фордъ, возсталъ С. Юшкевича и отправилъ на костеръ его книгу?

Зачѣмъ тревожить Вильсона и Фордъ сама сибирьковская газета такъ стала преследовать Лундберга, «стѣжественно уничтожившаго» книгу Шесва.

«Красная Газета» печатаетъ любовное сообщеніе.

Въ виду необходимости производственного ремонта, табачная фабрика не будетъ работать съ сегодняшняго дня до 9 января.

Почему это все фабрики одномере нуждаются въ ремонтѣ? Какое блестящее доказательство преимуществъ планового хозяйства

го, что должникомъ было получено (по роду, количеству и качеству), а, следовательно, и замодовано, если они дать полюбившимъ марку, имѣть такое же право на действительное возвращеніе того, что они дали, какъ хозяинъ при расчетахъ съ арендаторомъ по поводу инвентаря. Особенно несправедливо является уплата капитала и процентовъ по ипотечнымъ долгамъ въ номинальной бумажной валютѣ въ то время, какъ хозяинъ заложившаго именной получаетъ громадные доходы, и при продаже именной или кредитор по закладной, благодаря такому фиктивному расчету, получаетъ не 1/2 или 1/3 цены по действительности, которые они да въ виду осуды, а 1/2000 или и того меньше. Между

тѣмъ, по закону договоры должны исполняться по вѣщному намеренію стороны по доброй совѣсти, а не по букву (§§ 157, 242). Въ томъ же смыслѣ высказывался известнѣйшій юристъ, Гейльфонъ (Allgem. Zeitung 1922 г. №56 «Mangleich Mark»). По его мнѣнію, давно приходится прибегать къ учрежденію особаго имприторнаго камеръ по всякаго рода важнымъ долговымъ расчетамъ (страшныя казны, алименты, заемъ и пр.), торья должны разрѣшать споры по индивидуальнымъ деламъ. По вопросу о уплатѣ процентовъ по ипотечнымъ долгамъ предлжительно въ обезцененно марку перъ возбуждено официальное ходатство предъ прусскимъ правительствомъ. И. М. Рабиновичъ

Исторія о чертѣѣ, ясляхъ и козленкѣ.

Отъ холода чертенокъ теръ торчащія уши и зажималъ лапки озябшіи носъ.

Бурная шерстка закуривала отъ него. Вѣтеръ, присвистывая, поддувалъ межъ комосматъ погъ. Чертенокъ, зучно постукивая копытцами, во весь духъ улетѣвалъ въ адъ, къ ярому пламени и дымящимъ огнямъ, чтобы обогрѣть и слышу, и лапки, и мокрый, испитый носъ надъ «препятнымъ» воздухомъ жареныхъ угольевъ.

Чертяга продорѣгъ и поджалъ хвостъ. Пушистый кончикъ хвоста залоснялся на бѣгу и надобливо шекоталъ морду холодной висточной. Отъ шекотки и отъ холода чертенокъ чихалъ.

Онъ чихалъ еще отъ страха... Еще бы не чихать, когда былъ въ ту ночь отгданъ всей нечисти престоргой приказъ — не мѣшкай, кому скажетъ, кому прыгать выпячь головой, кому летѣть стремглавъ, — но вѣдь и со всѣхъ погъ убираться съ земли въ адъ.

Онъ бы и убрался, да во всемъ виноваты тое пухлякъ и сплюснутый жрець. Уже শেষт ночей сряду началъ чертенокъ пичкаться помомтъ тяжко выдѣтны кудри на мраморной головѣ сѣбного Зевса Громовержца и развѣшивалъ, сѣбя воли паутины по складкамъ его пуширювыхъ одеждъ.

По утрамъ, въ пустомъ храмѣ, старый жрець, подкуривая но бабы тогу на жирномъ брощѣ, — обмахивалъ своего Зевса трипшией, и, выказывая корнюноне коренки гнилыхъ зубоѣ, корчилъ бриво лице, ослѣпавшее, какъ у цѣплящи трагическаго актѣра, и прокивалъ всѣхъ божишь глѣшь, и сѣрую пыль, и маувишекъ, котрые, будто-бы пачкаютъ исподтишка его

мрамору и тѣмъ сверлитъ храмъ Зевса на Рыбной площади.

И чертенокъ взою потѣшался надъ воркотней жреца.

А въ то утро, когда былъ отданъ приказъ, чертенокъ замѣшкался... Когда жрець, сдувая паутину, наклонился, — было очень удобно оборвать ремешки на его деревянной сандали. Чертенокъ поцарапалъ и дернулъ ремешъ, полчекотавъ за одно волосатую жрецьскую якру.

Бритый жрець подпрыгнуть на одной погѣ, какъ жирный каплунокъ, и захлопать деревянной сандалией по каменистѣй плиталѣ, ухватясь въ ушакъ за якру. Сначала онъ громко высклякъ о зѣмьяхъ и жаллахъ, а потомъ только потесывалъ ногу и ворчалъ:

— Если это и не зѣмья, то проклятая блоха... Такъ укалать, такъ ожечь ногу; что даже ремешъ у сандали лопнулъ...

На дорожку чертенку выбраться удалось уже къ сумеркамъ. Падая выхлѣй и мокрый снѣгъ, тащій еще на полетѣ. Чертенокъ копытца вязали въ холодной грязи.

Въ лупанарахъ уже зажгли огни и багровые отбѣты дрожали въ темныхъ лужахъ. Пьяные солдаты легионовъ ходили обнявшись отъ огня къ огню, шлепая по лужамъ. Вѣда обдѣсывали какъ мѣдьяны шломи и вытѣли, мѣдьяны рукоятки коромышекъ мечей.

Чертенокъ прислушался было, какъ по началу и дико поютъ въ лупанарахъ смуглые блудницы и какъ гудятъ воюшіи бубны, но одинъ изъ солдатъ толкнулъ его головой —

— Что за тумба вертѣтъ подъ ногами? Въ страхѣ чертенокъ загнулъ по залчѣмъ длинныя уши на затылокъ и прыснулъ бѣгомъ...

Въ поляхъ его подхватива метелица.

Зажмуривъ глаза, онъ валеталъ съ вихрями мокраго снѣга, мѣлался въ шипящіи провалы, летѣлъ... Надъ головой, обокую, вѣзну, мотельными черными тучами гнала и торпиды въ адъ всякая нечисть: русалки, домовые, лѣшакі, кокорыги, гиастанки, вѣдьмы. Одну вѣдьму уже какъ-будто узналъ: та сама, что на римскомъ рынкѣ торговала вонючими мясами отъ домоты и липкими пластирами, — рыжая такая, волосы жесткой копной, а носъ на кончикѣ скривленъ и во рту трещъ перешихъ зубоѣ не вклатаетъ, а сама зла, какъ голодная сука.

Въ адъ, при всѣхъ, она посмѣла однажды увѣрять, что онъ, чертенокъ, — ея родной сынокъ. Какъ-бы не такъ, — выдумала тоже рыжая вѣдьмаца...

Свѣтля обмерзлымъ подоломъ пропелась она падъ нѣмъ и погрозила скорченными пальцемъ, ослѣбивъ черную дырку рта —

— Торопишь, сынокъ, опоздаешь... Тутъ метельный вѣтеръ поддѣлъ его въ спину. Отъ удара онъ перевернулся. Оршкомъ вверхъ и паль оземь.

Не то «арый снѣгъ», не то дождь, — какая-то сырая гадость обильна шерсть. На спичкѣ шерсть у него рыжковала, а на пушистомъ брощѣкѣ сѣрал, какъ биваетъ у хрысанья. И лапки-тоже сверху бурья, а на цѣподѣ сѣрыя, — тамъ уже Богъ его создалъ...

А теперь отъ мокраго снѣга вся шерстка слиплась и заблѣстѣла. Промокъ чертенокъ и блестяе весь, какъ шелковый. Отъ полета онъ всопѣлъ, даже шерсть задымилась. Сидитъ прямо въ лужѣ, расставивъ комосматъ ноги и чешетъ, по обезьяны, въ брощѣкѣ, а языкъ, какъ у собаки, свѣсился и жаркій, загнутый его кончикъ трепочетъ. И стало чертенку собъ жалъ. Ничего онъ на снѣгѣ не понимаетъ и вотъ брешетъ всѣмъ въ метели, а онъ ни въ чемъ не виноватъ. Какой онъ чертъ,

когда онъ еще чортова щени и какъ е одному выбраться изъ метели.

Поднялъ онъ острую морду ко темѣ завѣлы. Прислушался, — не откликнетъ ли что, но въ темнотѣ только рыхл снѣгъ влажно и смутно шелестѣлъ на ветѣ.

Вотъ стало скучно. Попрыскавал, закопалъ озе по лужамъ. Метель утихла. Чуть-чуть вѣтлѣть позлыми влажнѣй вѣтлѣ, а пахнетъ какъ-будто бы тминой и овечьей шерстью, чешенкомъ и матой. И ужелн-матоль угнала его въ Провансъ Палестинскій?

Сидѣтъ утихшая ночь. Въ серебристѣ туманѣ мерцаютъ громадины, синія лѣпады вѣдѣль. Вожжѣхъ. Нѣжной свѣтлѣстѣ дашутъ тихіе снѣга. А надъ снѣгами, блѣтны, пролетаютъ свѣтлыя крылатыи, или вѣютъ оренерная арии крылатѣ, мнѣ по опускается и воздымается. Присравъ попыны бѣлыхъ облежѣтъ залканы илеѣ. И легко поить въ поднятыхъ рукахъ ребрянныя бѣлыя трубы.

Чертенокъ ротъ раскрылъ, — такъ онъ страшно, и вѣдѣлы, и серебристыя туманы и вѣяны бѣлыхъ крыль, и звучаніе лѣхъ трубъ. Раскинулася прозрачная, пылая риза неба и трепочетъ и свозѣтъ изъ большой ризы жемчужины и алмазы ки...

Морозъ крѣпко заинавалъ торчащія у и запылъ отъ холода щепитный, намщеный лобъ, когда чертѣта, поджалъ хвостъ, пустился бѣгомъ...

Куда тамъ до алскаго пѣка, — тоны бы добраться до перваго тепла: весь по морозъ.

— Какъ видно ирѣдѣтѣ мнѣ на земъ падыхатъ, а развѣ я виноватъ? — потѣеть онъ лапками обмерзавяя уши и погиваетъ по щепачѣ... И вотъ, потану новострѣчу заахомъ жинья, дыма, и сѣ